

ИНСТИТУТ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ – ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ И МИФЫ

Многие сотрудники правоохранительных органов и часть ученых-процессуалистов считают, что процедуры предъявления обвинения нуждаются в переосмыслении, а сам процессуальный институт – в существенной реконструкции, конечной целью которой является его исключение из УПК РФ.

Однако когда эти предложения были озвучены нами впервые 5 лет назад, а затем и вошли в ряд публикаций¹, реакция отдельных коллег была достаточно негативной.

Не смутило наших коллег и то обстоятельство, что с 1 июля 2002 г. (с момента вступления в действие УПК РФ) институт предъявления обвинения, по сути, исключен из производства предварительного расследования в форме дознания.

Только за 2008 г. в суд было направлено более 400 тыс. уголовных дел, обвинение по которым не предъявлялось, а число оправданных судами по данным уголовным делам составило 359, или менее одного лица на одну тысячу направленных в суд уголовных дел. Всего же за семь лет действия УПК РФ без предъявления обвинения направлено в суд более 2 млн уголовных дел, состояние законности по которым не хуже, чем по направленным следователями в суд уголовным делам с предъявленным обвинением.

Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ² УПК РФ дополнен ст. 223¹ УПК РФ, налагающей на дознавателя обязанность уведомлять лицо о наличии в отношении него подозрения в совершении преступления.

Готов ли наш законодатель к столь радикальным изменениям?

Вопрос не случаен, поскольку предъявление обвинения порождает возникновение не только значительного объема процессуальных прав у лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, но и имущественной и моральной ответственности государства за необоснованное предъявление обвинения.

По нашему мнению, ответы на эти вопросы частично уже даны, в том числе и законодателем. Однако российская процессуальная наука пока

* © Гаврилов Б.Я., 2010

Гаврилов Борис Яковлевич – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор

негативно воспринимает предложения по изъятию из УПК РФ института предъявления обвинения.

Надо сказать, Устав уголовного судопроизводства 1864 г. не содержал института предъявления обвинения. Согласно ст. 258, 285, 304, 353, 377, 385, 386, 396 и ряду др., в качестве обвиняемого по Уставу уголовного судопроизводства могло быть, например, подвергнуто допросу лицо, «застигнутое на месте преступного деяния», или навлекшее на себя «достаточное подозрение в преступлении», или которому вручалась повестка о вызове к судебному следователю и в других случаях.

В этой связи министр юстиции в циркуляре от 28 февраля 1874 г. обращал внимание, что призыв к допросу в качестве обвиняемого является самостоятельным «периодом» следствия, который наступает только после того, как следователь «может доставить более или менее верные и беспристрастные данные к обвинению в преступном деянии того именно, а не другого лица». Сенат в 1876 г. также указал судебным органам на необходимость выделения «основания к возбуждению уголовного преследования против определенного лица».

В последующем Особым наказом С.-Петербургского окружного суда 1887 г. судебный следователь обязывался составлять специальное постановление о привлечении к следствию в качестве обвиняемого. 23 марта 1898 г. определением Высшего дисциплинарного присутствия Сената было разъяснено, что «не только приводу, но даже призыву лиц, на которых падает подозрение в совершении законопреступного деяния, должен предшествовать судопроизводственный акт, коим означенное лицо по обстоятельствам дела признается обвиняемым, а именно: постановление судебного следователя о привлечении этого лица в качестве обвиняемого»³.

Первое упоминание о привлечении лица в качестве обвиняемого появилось в Положении о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г.⁴ Обусловлено это было, как следует понимать, требованиями обеспечения законности при производстве расследования в отсутствие процессуального закона. Законодателем они были реализованы в ст. 131 УПК РСФСР 1922 г., предусматривающей «при наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершенном преступлении», составление следователем мотивированного постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Статья 128 УПК РСФСР 1923 г. содержала аналогичное предписание. Соответственно, основные положения процедур предъявления обвинения нашли свое отражение в ст. 143–151 УПК РСФСР 1960 г.

Потребность сохранения на протяжении многих десятилетий процедур предъявления обвинения обуславливалась тем, что данный процессуальный институт являлся правовым основанием и моментом допуска

защитника к участию в уголовном деле, который в течение предшествующих 80 лет (до 2001 г.) оставался одним из ключевых вопросов уголовного судопроизводства. На протяжении десятков лет адвокат вообще не допускался к участию в предварительном расследовании, что противоречило положениям Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и протоколов к ней и Международного пакта о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г., а с 1993 г. — и Конституции РФ (в части обеспечения государством права участников уголовного процесса на оказание им квалифицированной юридической помощи).

УПК РСФСР 1960 г. допускал в дело защитника с момента окончания производства предварительного следствия. По делам, расследуемым в форме дознания, участие защитника не предусматривалось.

С 1 июля 1972 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР⁵ защитник допускался к участию в деле по постановлению прокурора с момента предъявления обвинения по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, немых, глухих, слепых и ряда других лиц, в том числе обвиняемых в совершении преступлений, за которые могла быть назначена смертная казнь.

И лишь Законом РФ от 23 мая 1992 г.⁶ защитник был допущен к участию в уголовном деле вне зависимости от формы расследования с момента предъявления обвинения, а при задержании лица в качестве подозреваемого или заключения его под стражу до предъявления обвинения — с момента предъявления ему протокола задержания или постановления о применении данной нормы пресечения.

Понадобилось еще почти 10 лет⁷, чтобы участие защитника в уголовном деле переместилось на более ранний этап уголовного судопроизводства — момент начала производства в отношении заподозренного лица конкретных следственных действий по его изобличению в совершении преступления. Допуск защитника к участию в уголовном деле с момента возбуждения в отношении лица уголовного дела (ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР)⁸ привел, по сути, к утрате правовой актуальности положений о вступлении защитника в уголовное дело не ранее чем с момента предъявления обвинения.

УПК РФ (ст. 49) значительно расширил перечень оснований участия в уголовном деле защитника, включив в него дополнительно: момент вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления; объявление подозреваемому о назначении судебно-психиатрической экспертизы; начало осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы подозреваемого. Сегодня лицу, находящемуся в положении

подозреваемого, в обязательном порядке разъясняется право на защиту любыми средствами и способами, не запрещенными УПК РФ, в том числе ходатайствовать о вступлении в дело защитника в любой момент производства предварительного расследования.

УПК РФ нивелировал разницу в правовом статусе подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47). Сравнивая права данных участников уголовного судопроизводства, мы можем говорить лишь об уточнении прав лица, занявшего статус обвиняемого, за счет наделения его дополнительными полномочиями, присущими тем этапам расследования уголовного дела, в которых подозреваемый не участвует: ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела; заявление по его окончании ходатайств и их разрешение; вручение обвиняемому копии обвинительного заключения, а также ряд прав, реализуемых им в судебных стадиях.

Все изложенное позволяет утверждать: главный аргумент за сохранение института предъявления обвинения как момента возможного вступления защитника в уголовное дело отпал.

На формировании правовой позиции автора сказались и необходимость разрешения проблемы возвращения судом уголовного дела прокурору в порядке п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для перепредъявления обвинения на более тяжкое.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. №18-П установлено, что при возвращении уголовного дела прокурору по основаниям п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ процессуальные нарушения, являющиеся препятствием для рассмотрения дела судом, не должны «касаться ни фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации и доказанности вины обвиняемых, а их устранение не предполагает дополнение ранее предъявленного обвинения». Тем самым был установлен запрет изменения обвинения на более тяжкое при возвращении судом уголовного дела прокурору.

Вскоре после выхода в свет указанного Постановления Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев на итоговой коллегии МВД России (2004 г.) публично обозначил ситуацию, в которой оказалось российское правосудие⁹, как тупиковую: при квалификации следователем действий обвиняемого по ч. 1 ст. 105 УК РФ суд, установив в ходе судебного разбирательства наличие в действиях подсудимого признаков квалифицированного убийства, не может вернуть данное уголовное дело прокурору для изменения обвинения и вынужден постановлять незаконный приговор.

Вопрос о возвращении уголовного дела судом прокурору для перепредъявления обвинения вставал и при выявлении в ходе судебного разбирательства обстоятельств, не соответствующих изложенным в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого (например, по дате или

месту совершения преступления, сумме причиненного вреда и др.), что влекло значительное увеличение сроков предварительного следствия (порядка 1,5 месяцев) и судебного разбирательства (примерно на 2,5 месяца), а в худшем случае – вынесение оправдательного приговора. Тем самым правосудие приносилось в жертву формальным требованиям закона.

В условиях смены характера процессуального законодательства на охранительный предъявление обвинения стало не только правовым анахронизмом, но фактически создало, как показано выше, не одну типовую ситуацию. Эту ситуацию не смог разрешить и Закон «О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», регламентирующий пересмотр приговора в сторону ухудшения положения осужденного в случаях фундаментальных нарушений уголовно-процессуального закона, повлиявших на законность приговора, определения или постановления суда. В случае отмены приговора и передачи уголовного дела на новое судебное рассмотрение суд не может вернуть уголовное дело прокурору для перепредъявления обвинения на более тяжкое, поскольку Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П в этой части сохранило свое правовое содержание.

Как разрешить данную правовую ситуацию? Системный анализ действующего УПК в совокупности с решениями Конституционного Суда позволяет предположить, что судебное разбирательство должно производиться в пределах и объеме обвинения, изложенного в обвинительном заключении (акте). При этом мы исходим из того, что:

во-первых, правовое содержание п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ предполагает, что пределы судебного разбирательства по уголовному делу устанавливаются не объемом предъявленного обвинения, как это было по УПК РСФСР (ч. 1 ст. 254), а обвинительным заключением (обвинительным актом), поскольку его составление с нарушением Уголовно-процессуального кодекса исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения;

во-вторых, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П также констатируется, что пределы судебного разбирательства должны определяться обвинением, сформулированным в обвинительном заключении (обвинительном акте)¹⁰.

Реализация наших предложений об исключении из УПК РФ института предъявления обвинения предоставляет следователю, дознавателю после возвращения судом уголовного дела прокурору возможность пересоставить обвинительное заключение (обвинительный акт) в случае, если предъявленное обвинение не соответствует фактическим обстоятельствам уголовного дела, и вновь направить уголовное дело в суд без

недопустимого восполнения неполноты проведенного дознания или предварительного следствия.

Дополнительным аргументом в пользу нашего предложения является финансовая затратность механизма привлечения в качестве обвиняемого — расходы рабочего времени следователей, оплата услуг адвокатов-защитников из средств федерального бюджета и т. д.

Институт привлечения лица в качестве обвиняемого, сохраняющий свою юридическую сущность без изменения на протяжении более 80 лет, не согласуется с современной системой досудебного производства. В этой связи нами предлагается внести соответствующие изменения в действующий УПК РФ, предусматривающие замену института предъявления обвинения на процессуальные нормы об уведомлении лица о существующем в отношении него подозрении в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления, как предусмотрено в законе от 06.06.2007 № 90-ФЗ. Предложенное нами законодательное решение будет способствовать упрощению досудебного производства по уголовному делу и в целом уголовного судопроизводства и позволит государству значительно сократить бюджетные расходы на эту сферу деятельности.

Изложенное не претендует на истину в последней инстанции. Однако можно надеяться, что наши предложения будут способствовать развитию юридической мысли по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства, и в первую очередь в части регламентации его досудебного производства. Предпосылки для этого сегодня созданы.

Примечания

¹ См.: Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2004. С. 355; Он же. Совершенствование досудебного производства в свете реализации основных положений УПК РФ // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 20; и др.

² Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»//Собрание законодательства РФ. 2007. №24. Ст. 2833.

³ См.: Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей. Изд. 6-е. СПб., 1907. С. 386.

⁴ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1972. № 26. Ст. 663.

⁶ Закон Российской Федерации от 23 мая 1992 г. № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 25. Ст. 1389.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности

положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2822.

⁸ Федеральный закон от 20.03.2001 № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 13. Ст. 1140.

⁹ См.: Вестник МВД России. 2004. № 2/3. С. 28–30.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П по делу о проверке конституционности положений статей 237, 413, 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

*Н.Н. Ковтун**

«СЛЕДСТВЕННЫЙ СУДЬЯ» ИЛИ «СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ»: СУДЕБНО-ПРАВОВАЯ РЕФОРМА ТРЕБУЕТ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТЕРМИНАХ¹

Дискуссии о необходимости введения в уголовное судопроизводство России фигуры судебного следователя или следственного судьи, перманентно возникающие в российской уголовно-процессуальной доктрине почти в строгом соответствии с (перманентно) озвучиваемыми намерениями высших органов государственной власти о необходимости продолжения (углубления и т. п.) судебной реформы², выявили, на наш взгляд, достаточно интересную тенденцию. И суть ее даже не в том, что одни исследователи активно настаивают на необходимости введения в российский уголовный процесс указанных выше субъектов, а другие — не только не видят в этом особой нужды, но и усиленно отстаивают негативные последствия подобных новаций.

Суть проблемы, прежде всего, видится в том, что нередко исследователи либо не могут методологически точно определиться в предмете спора, либо, приводя в качестве аргументации те или иные весомые доводы, не принимают во внимание, что они в принципе не относятся к отстаиваемым или предлагаемым тезисам.

Не определившись изначально в терминах и сути спора, законодателью, соответственно, предлагают то ввести в уголовное судопроизводство России судебного следователя («по французскому образцу»), то следственного судью (по образцу «германскому»). В итоге порой невозможно понять: нам предлагают реформировать органы предварительного

* © Ковтун Н.Н., 2010

Ковтун Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор НФ Государственного университета — Высшей школы экономики